

ФОНЕТИЧЕСКОЕ СЛОВО В ЛАТИНСКОМ ГЕКСАМЕТРЕ

В прозаической речи принято дифференцировать два просодических уровня – словесный и фразовый.¹ В речи стихотворной фразовое ударение подавляется метрическим,² однако и ее просодию не следует представлять одномерной. Так, в латинском квантитативном стихе можно, по-видимому, говорить также о двух уровнях: *словесном* и *ритмическом*, центрами которых выступают соответственно словесное ударение и метрические икты (арсисы стопы). Формирование ритмического уровня стихотворной строки может вызывать изменения на ее словесном уровне, ослабляя ударение одних слов или сообщая дополнительное ударение другим словам. Особенности словесной просодии, в свою очередь, отразятся в ритмическом рисунке стиха.

И на словесном, и на ритмическом уровнях стиха легко возникают единства из двух (реже трех) слов, в выделении и классификации которых пока отсутствует (или вообще труднодостижима) четкость. Еще Стертевант, ссылаясь на практику живых языков, где членение осуществляется “скорее не между словами, а между группами слов”, утверждал, что греческий и латинский языки мало отличались в этом отношении от современных: доказательством этому может служить элизия (афреза), некоторые типы композитов, ямбические сокращения в группах моносиллабов образца *quis huc, ut haec*.³ Просодическое единство в речи коротких и, как правило, неполнозначительных слов или знаменательного слова и клитики (*ei mihi, sat est, lux mea, in oris* etc.) чаще называется *фонетическим словом* (далее ФС). О феномене ФС в латинском предложении упоминают и античные грамматиканы. Так, Квинтилиан (*Inst. orat.* I, 5, 27) объединял одним ударением группы с односложными (*ab óris*) и двусложными предлогами (*circum lítora*). Просодическое единство предложной группы подтверждается также древними надписями, в которых предлог часто пишется слитно с управляемым словом.

---

¹ *Просодический строй русской речи* (М. 1996) 23.

² И. И. Ковтунова. *Современный русский язык: порядок слов и актуальное членение предложения* (М. 1976) 176.

³ E. H. Sturtevant. Word-ends and pauses in the hexameter // *AJPh* 42 (1921) 291–293.

К числу регулярных компонентов латинского ФС – абсолютных или относительных (контекстных) клитик – помимо предлогов обычно причисляют одно-двусложные союзы (чаще *et, sed, si*), личные, притяжательные, указательные, относительные и некоторые неопределенные (*quis*) местоимения вне эмфазы, местоименные наречия, связку *est*.⁴ Энклитиками, впрочем, иногда признаются и двусложные формы связки *erat, erit*.⁵ Линдсей допускал также ФС с полнознаменательными компонентами образца *voloscire*⁶ (частичная десемантизация глагола *volo* в такой конструкции, впрочем, уже могла ощущаться и в классическую эпоху).

При проекции понятия ФС в стихотворную речь происходит его усложнение, точнее смешение двух близких понятий – ФС и метрического слова. Так, метрическим словом Нугаре и Нильсон в указанных выше работах называют объединения типа *sat est, in undis, si quis*. Нам представляется существенным разграничить эти смежные понятия как понятия различных просодических уровней стиха. *Центр ФС – словесное ударение, центром метрического слова является стихотворный икт, в латинском стихе не всегда совпадающий со словесным ударением.* ФС в латинском гексаметре часто выступает и как метрическое слово (*in óris*),⁷ но может и не являться таковым (*circum lítora*), если оба его компонента несут икт – метрическое ударение. Заметим, что на этом основании двусложные предлоги латинского гексаметра часто квалифицируются как ударные,⁸ поскольку могут появляться в иктовой позиции. Ударность предлога в тесной группе с потенциальными клитиками (*apud me, propter me*) допускается, впрочем, и в прозаической речи.⁹

Метрический икт, однако, может объединять и полноударные слова: *dí máris* (*Trist.* I, 2, 1), *fért déus* (*Trist.* I, 2, 1). Следовательно, как

⁴ E. Vandvik. *Rhythmus und Metrum. Akzent und Iktus* (Oslo 1937) 187; В. Линдсей. *Краткая историческая грамматика латинского языка* (М. 1948) 30; L. Nougaret. *Traité de métrique latine classique* (Paris 1948) 5; G. Wilkinson. The thrsyllabic ending of the pentameter: its treatment by Tibullus, Propertius and Martial // *CIO* 42 (1948) 73; N. O. Nilsson. *Metrische Stildifferenzen in den Satiren des Horaz* (Uppsala 1952) 50; Б. Снелль. *Греческая метрика* (М. 1999) 102.

⁵ M. Nyman. *Ubi est and ubist. The Problem of Latin Aphaeresis and Phonology of esse* (Turku 1974) 12.

⁶ Линдсей. *Указ. соч.*, 30.

⁷ В статье словесное ударение отмечено символом ('); слог, несущий метрическое ударение (икт), подчеркивается: *At regína grávi / iamdúdm sáucia cúra* // (*Aen.* IV, 1).

⁸ D. Norberg. *Introduction a l'étude de la versification latine médiévale* (Stockholm 1958) 23; Nilsson. *Op. cit.*, 54.

⁹ R. G. Kent. *The Sounds of Latin* (Baltimore 1945) 68. M. Leumann. *Lateinische Laut- und Formenlehre* (München 1977) 215.

единица ритмического уровня *метрическое слово не эквивалентно фонетическому*: под метрическим словом было бы естественнее понимать любое объединение иктом двух (в дактиле редко трех) слов независимо от их семантических или акцентных свойств. Сходное формальное представление метрического слова присутствует в работе К. Треде: “Слова длительностью менее трех мор метрически не самостоятельны и при стиховом членении, как правило, относятся к следующему слову”.¹⁰

Членение стиха на метрические слова вряд ли может быть однозначным: восприятие лишнего икта слова как метрической проклитики или энклитики, на наш взгляд, должно учитывать синтаксические связи и цезурные стандарты стиха. Так, в стихе Овидия *Fast.* I, 25 *si licet et fas est, vates rege vatis habenas //* мы бы выделили три метрических слова *si licet, fas est, rege vatis* с учетом синтаксического (фразеологического) единства в двух первых группах и предпочтения Овидием (и латинскими поэтами в целом) гептемимера (цезуры после четвертого икта) буколической диерезе (при варианте метрического слова *vates rege*). В стихе Вергилия соотношение гептемимера и буколической диерезы 75,23 : 52,82% (“Энеида”), в гексаметре “Метаморфоз” Овидия 64,78 : 52,55%,¹¹ в “Фастах” буколическая диереза встречается примерно в 43% гексаметров.¹²

Не менее сложной представляется и процедура выделения ФС в стихе, так как просодические свойства слова, в том числе односложного, могут меняться в зависимости от контекста: “Градация силы ударения бесконечно колеблется”.¹³ По этой причине в стиховедческой статистике, необходимо требующей однозначности, либо устанавливаются твердые правила тонирования (атонирования) сомнительных случаев ударности (как в славянском стиховедении),¹⁴ либо при подсчетах учитывается лишь графическое слово, как в античном стиховедении, где исключение делается преимущественно для элидированных моносиллабов.¹⁵

Метрическое слово различной структуры должно, по-видимому, демонстрировать и различную степень примыкания лишнего икта

¹⁰ K. Thraede. *Metrische Proclise im epischen Vers der Römer // Glotta* 58 (1980) 78.

¹¹ L. de Neubourg. *La base métrique de la localisation des mots dans l'hexamètre latin* (Bruxelles 1986) 43.

¹² M. Platnauer. *Latin Elegiac Verse* (Cambridge 1951) 22.

¹³ М. А. Красноперова. *Модели лингвистической поэтики* (Л. 1984) 8.

¹⁴ *Очерки истории языка русской поэзии 20 века. Грамматические категории. Синтаксис текста* (М. 1993) 32.

¹⁵ E. Liénard. *Repertoires prosodiques et métriques. Lucrèce, Valerius Flaccus, Germanicus* (Bruxelles 1978) 5.

компонента к слову, несущему икт: наибольшую в ФС с абсолютной клитикой (*fás est, in úndis*), наименьшую в группе из знаменательных и полноударных компонентов (*rége vátis*).

В исследованиях античного стихотворного текста достаточно распространённым является суждение о просодической изоморфности графического слова и ФС сходной ритмической модели, например *labore* и *in ore, indomitam* и *in dominam*.¹⁶ Вместе с тем в латинской лингвистике присутствует и мнение о большей автономности латинского слова сравнительно с греческим. Автономность латинского слова связывается иногда с динамическим характером латинского ударения, иногда со следами интенсивности первого слога, имевшей место в древнейший период развития латинского языка.¹⁷

В этом вопросе показательной представляется политика высоких жанров в отношении к метрическому слову клаузулы стиха (двух последних стоп гексаметра и пентаметра). Попробуем определить, дифференцирует ли, и если дифференцирует, то в какой мере, латинский дактилический стих метрическое слово из полноударных компонентов от ФС, а ФС от графического слова сходной ритмической модели. Ради краткости изложения понятие метрического слова (далее МС) оставим лишь за объединённой одним стихотворным иктом группой полноударных слов (*dí máris, fért déus*).

Автономность в стихе компонентов МС не вызывает сомнения, но относительно просодического статуса клитик-предлогов, союзов, местоимений в составе ФС возможны, как мы видели, противоположные суждения. В латинском гексаметре высоких жанров (эпоса, классической элегии) исходы с МС и ФС несомненно допускались менее охотно по сравнению с практикой низких дактилических жанров (сатиры, эпиграммы). Известно, что для клаузулы гексаметра рано стабилизируется своеобразная ритмическая характеристика – совпадение пятого и шестого икта с ударением слова (правило икта-ударения). От 79% гексаметров Энния до 99% классического гексаметра демонстрируют совпадение двух последних иктов с ударением слова.¹⁸ Это явление тесно связано (здесь сложно отделить причины от следствий) с ут-

¹⁶ E. Sturtevant. Accent and Ictus in the Latin Elegiac Distich // *TAPhA* 55 (1924) 80; K. Thraede. *Der Hexameter in Rom* (München 1978) 7; H. Drexler. *Hexameterstudien* (Madríd 1956) 76.

¹⁷ E. G. O'Neill. Word-Accent and Final Syllables in Latin Verse // *TAPhA* 71 (1940) 109; Nougaret. *Op. cit.*, 3; L. R. Palmer. *The Latin Language* (London 1954) 65; И. М. Тронский. *Историческая грамматика латинского языка* (М. 2001) 140; De Neubourg. *Op. cit.*, 28.

¹⁸ De Neubourg. *Op. cit.*, 147.

верждением двух предпочтительных моделей заполнения клаузулы со словоразделом в тесисе пятой стопы: ...*condere gentem* // и ...*conde sepulchro* // (соответственно 51,7% и 39,94% в “Метаморфозах” Овидия, тогда как на долю двух наиболее частотных моделей с ФС приходится: *gente tot annos* 7,69% и *si bona norint* 0,32%).¹⁹

В сдержанном использовании высоким дактилическим стихом клаузулы с ФС помимо просодических следует, конечно, подозревать также стилистические и синтаксические причины. В стилистическом аспекте существенен невысокий процент служебной и местоименной лексики в эпическом языке, где слабее, чем в низких жанрах, ощутимы рефлексy живой речи. Можно говорить и об общепозитических универсалиях: для завершения эпического индоевропейского стиха изначально предпочитались экспрессивные ударные слова. Норден полагал, что поддержка ритма в конце стиха значимым словом закрепилась в латинской поэтической технике под влиянием эллинистического стиха,²⁰ однако и в позднем сатурновом стихе можно отметить подобное предпочтение. В “украшенном” эпическом и элегическом стихе, сравнительно с языком дактилической сатиры и эпиграммы, заметно расширяется пространство эпитета и как следствие распространяется гипербат: атрибутивное сочетание, особенно с долгими флексиями, трудно расположить в гексаметре качественного ритма вне концовок полустиший. К синтаксическим мотивациям ограничения ФС следует отнести притяжение большинства слабоударных моносиллабов и пиррихийев – потенциальных компонентов ФС – к началу латинской синтагмы (союзы, местоимения, частицы), в то время как ритмико-синтаксическая инерция любого классического стиха склонна совмещать конец строки с концом более или менее самостоятельной синтаксической единицы.²¹ По указанным причинам гексаметр высоких жанров (особенно в окончаниях полустиший) строг к ФС и его наиболее частотным компонентам – односложным словам. Так, в 64 эпиллии Катуллы на 100 стихов приходятся 86,5 односложных слов, тогда как в его элегическом и эпиграмматическом гексаметре цифра моносиллабов возрастает вдвое (182,2).²²

МС в пятой стопе гексаметра (с началом в буколической диерезе) кажется почти исключительным случаем для классического эпоса

¹⁹ *Ibid.*, 66.

²⁰ E. Norden. *Vergilius Maro. Aeneis. Buch VI* (Leipzig 1903) 391.

²¹ А. И. Зайцев. *Формирование древнегреческого гексаметра* (Спб. 1994) 148.

²² J. Helleguarс'h. *Le monosyllabe dans l'hexamètre latin* (Paris 1966) 15.

и элегии, хотя группа образца *lux nova, pars bona* теоретически удобна для пятого дактиля или второго колона пентаметра. Но и Энний, и Катулл, не говоря об авторах классической эпохи, отвергают МС и крайне редко допускают ФС в пятой стопе. Если обратиться к структуре ФС пятой стопы, заметим, что из возможных вариантов Катулл предпочитает ФС с двумя неполнознаменательными компонентами (Cat. 66, 25 *at ego*, 31 *an quod*, 69 *qua tibi*, 76 *si quibus*, 91 *te mihi*, 100 *nam tua* etc.), ограничивая ФС с полноударным компонентом (Cat 68, 147 *is datur*, 153 *quae Thémis*).

Это предпочтение, на первый взгляд, легко объяснимо инерцией правила икта-ударения: совпадение пятого тесиса с акцентно ослабленным пиррихием ФС оказывалось менее порочным для ритма, чем с полноударным двусложным словом. Редкие ФС в пятой стопе латинского гексаметра вызваны к жизни чаще подражанием греческой буколической пунктуации (сильная синтаксическая пауза после четвертой стопы). Буколическая пунктуация сравнительно частотна в греческом гексаметре: 27,2% в стихе Феокрита при 1,5% в первых книгах “Энеиды” (но 9,9% в “Буколиках”).²³ Изменение лингвистических условий при переходе от греческого к латинскому гексаметру не оказалось безразличным для его ритмической и синтаксической структуры.²⁴ Синтаксическая пауза в середине второго полустишия нуждалась в эксплицитном оформлении: при бессоюзии в условиях “тесноты стихового ряда” члены нового предложения примкнули бы к концу предыдущего, провоцируя большую или меньшую неясность фразы. Вне буколической пунктуации проклитики ФС и не несущие икта компоненты МС позиции Н-5 располагаются в четвертом тесисе: Cat. 68, 9 ...*tibi dicis amicum* //; 17 ...*dea nescia nostri* //; 25 ...*de mente fugavi* // etc.

Примечательно однако, что ФС с первым ударным компонентом образца *lux mea* или *di tibi* также отвергается поэтами в пятой стопе. Так как оно не могло противоречить инерции правила икта-ударения, следует допустить, что *слабая пауза внутри ФС не была безразлична для ритмики стиха*. Антипатия поэтов к ФС любой структуры в пятой стопе гексаметра, сохраняемая всей последующей элегической традицией, стала поводом к ограничению синтаксического варьирования в эпическом и элегическом гексаметре. Даже весьма терпимый к ФС в первых стопах стиха Овидий редко допускает его в пятой стопе (дважды в первой книге “Тристий”: 2, 57 ...*non ego*; 8, 47 ...*hoc quoque*).

²³ Sturtevant (см. прим. 3) 304.

²⁴ M. Wigodsky. *Vergil and Early Latin Poetry* (Wiesbaden 1972) 13; J. Helleguarc'h. *Fabricator poeta: existe-t-il une poésie formulare en latin?* // *RÉL* 62 (1984) 190.

Примечательно, что и низкие дактилические жанры, где ФС позиционно гораздо свободнее, также демонстрируют строгость в использовании варианта "проклитика + знаменательное слово". Приведем ФС пятой стопы в одной из сатир Горация: *Hor. Sat. I, 6, 8 hoc tibi, 24 quo tibi, 26 quae minor, 28 quo parte, 41 hoc tibi, 50 te quoque, 58 non ego, 65 ac mea, 68 aut mala, 104 nunc mihi, 107 quas tibi, 116 et lapis, 122 aut ego*. Тем более Гораций ограничивает ФС (и МС) с более грубым нарушением правила икта-ударения (совпадение пятого икта с окончанием слова): 36 *urbem sibi*, 44 *saltem tenet*, 46 *libertino patre*, 119 *sollicitus mihi*. Из этого можно заключить, что римские поэты в ритмически значимой позиции отличали графическое слово (*lumina*) от метрического (*di maris*) и фонетического (*at tibi*), а в ФС учитывали просодические свойства компонентов. Категория слабоударного моносиллаба или пиррихия, вопреки мнению Треде о значимости лишь морного счета для дактилического стиха,²⁵ не утрачивает значения. Границы и единство слова, даже акцентно и семантически ослабленного, различаются поэтами если не на ритмическом, то на логическом уровне.

Восприятие ФС поэтической техникой классической эпохи в качестве ритмически дробного, беспокойного компонента стиха подтверждается также заполнением шестой стопы гексаметра. В этой позиции ФС различного объема и структуры встречается чаще, чем в строго дактилической пятой стопе – ритмическом маркере гексаметра. Энний даже допускает в исходе гексаметра и МС с конечным моносиллабом: *Enn. Ann. 94 (Warmington) ...foras lux //, 96 ...exoritur sol //*, вызывающее нарушение правила икта-ударения. Хотя и для некоторых словосочетаний в речи (МС в стихе) допускаются окказиональные смещения ударения (*malam rem*),²⁶ они не могли породить значимой инерции. Энний следует в этом отношении практике греческого гексаметра с его формульными исходами на Ζεύς, κῆρ, γῆ и т. п., учитывая, возможно, и технику сатурнова стиха, который также может завершаться, если судить по фрагментам Невия, односложными существительными: *Naev. Bell. Pun. (Buchner) 26 ...rex //, 166 ...nox //; 167 ...res // etc.* На модели клаузулы архаического стиха могли оказывать влияние устойчивые речевые или сакральные формулы образца *divum pater atque hominum rex*.²⁷

Немногочисленные МС встречаются еще (вероятно с архаизирующим эффектом²⁸) в исходе стиха Цицерона и Лукреция, например.

²⁵ Thraede. *Metrische Proclise*. 79.

²⁶ Vandvik. *Op. cit.*. 190.

²⁷ J. W. F. Knight. *Roman Vergil* (London 1944) 239.

²⁸ Helleguarc'h (см. прим. 22) 69.

Lucr. III, 984 ...*quem cuique ferat fors* // (ср. Enn. Ann. 189 ...*quidve ferat Fors* //), 1044 ...*exortus ut aetherius sol* // (ср. Enn. Ann. 96 ...*aureus exoritur sol* //) etc. Количественные сопоставления затруднены здесь формульными для дидактического эпоса Лукреция сочетаниями с *res* в исходе гексаметра (*gerit res, daret res, potest res*). Но в эпиллии Катулла на 406 гексаметров встречается лишь один случай МС в этой позиции: Cat. 64, 315 *opus dens* //.

К ФС в 6 стопе, в отличие от МС, классическая поэзия не была столь строга. В элегическом и эпическом гексаметре встречаются три относительно регулярных типа ФС:

а. предложная или союзная группа с односложной проклитикой в пятом тесисе (*in oris, et ille*);

б. ФС из двух моносиллабов, в подавляющем большинстве случаев неполнознаменательных (*nunc sum, qua mi*);

с. ФС с конечным моносиллабом (*deum me, apud me*).

ФС первого тина (*in oris*), не вызывающее нарушений правила икта-ударения и минимально противоречащее инерции словоразделов в этой позиции, стало нормой для классического гексаметра. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что доэлегический гексаметр (Лукреций, Катулл) сравнительно редко использует предложную группу в окончании гексаметра (на 406 стихов Cat. 64 четыре примера *2 per undas* //; 128 ...*in undas* //; 167 ...*in undis* //; 168 ...*in alga* // и дважды с элизией перед предлогом: 132 ...*ab aris* //; 197 *ab imo* //). Иногда устранение Катуллом предлога из клаузулы выглядит умышленным: Cat. 64, 127 *unde aciem pelagi / vastos per tenderet aestus* //. Необычно смотрится предлог и после основной цезуры: Cat. 66, 33 ...*cunctis / pro dulci coniuge divis* //; 49 ...*principio / sub terra querere venos* //. Известно, что классический гексаметр ради четкости цезур стремился смещать проклитики из третьего в четвертый или пятый тесис: Tib. I, 1, 15 ...*/ nostro de rure corona* //; 27 ...*/ ortus vitare sub umbra* //.

Следует допустить, что поэтическая техника неотериков еще не вполне отшлифовала модели клаузулы. Неотерики по эпической инерции предпочитали клаузулу без дополнительного словораздела, тем более что предложная группа в Н-6 вынужденно ориентировалась на сравнительно небольшое число двусложных существительных с начальным гласным (это заметно и в эпиллии Катулла, где повторяется предложная группа с *unda*). В элегии и далее – в эпическом стихе Вергилия репертуар лексических клише шестой стопы с вокальным началом (*annis, urbes, ignes, undas, agris, auras* etc. с предлогами *in, per, ab, sub*) расширяется. Как кажется, этому весьма способствовала синтаксическая структура формирующегося элегического гексаметра, в кото-

ром предложная группа вытеснялась в клаузулу из начальных и срединных позиций. В первой стопе элегического гексаметра преимущества получили средства связи (его начало всегда совпадало с началом предикативной единицы), а в середине стиха атрибуты с долгими флексиями.

ФС первого типа практически не встречается в исходе элегического гексаметра Катулла (162 гексаметра), если не считать затемненного элизией Cat. 66, 43 ...*maxim(um) in oris //*. Но в первой книге Тибулла (405 гексаметров) уже 23 примера ФС такого типа в исходе гексаметра, а в “Энеиде” вполне регулярны некоторые клише-существительные, например: *Aen. IV, 176 in auras; 226, 270, 357, 378 per auras; 178 per urbes; 300 per urbem etc.*

В гексаметре “Энеиды” и особенно позднего эпоса безусловно отразилась техника элегического стиха, в котором постановка предложной группы оказалась затруднена и ритмически обусловленным распространением гипербата. Элегики сокращают число односложных предлогов в стихе (Лукреций 154, Вергилий “Энеида” 124, но Тибулл и Проперций – 61 на 500 стихов),²⁹ устраняя их из срединных позиций гексаметра и второго колона пентаметра.

Второй тип ФС (nunc sum) в клаузуле гексаметра строгой ритмики менее перспективен, так как допускает совпадение шестого икта со слабоударным словом, а в крайне редких примерах и с абсолютной клитикой (Cat. 68, 41 ...*in re //*; Prop. I, 8, 2 ...*de te //*; Prop. IV, 5, 17 ...*in me //*). Приведем примеры ФС второго типа из первой книги Проперция: 4, 5 ...*et tu //*, 13 ...*et quae //*, 19 ...*nec te //*; 5, 17 ...*in me //*; 6, 31 ...*seu qua //*; 9, 15 ...*nunc tu //*; 12, 9 ...*an quae //*, 19 ...*fas est //*. Подобные модели клаузулы навевая практикой греческого enjambement образца II. XIX, 67 ...*οὐδέ τί με χρέη // ἄσκελέως αἰεὶ μενεαίνεμεν... 96 ...ἀλλ' ἄρα καὶ τὸν // Ἦρῃ θῆλυς ἐοῦσα*. Заметим, что зрелый Проперций (IV книга) отказывается от ФС в конце стиха, сохраняя в очень редких примерах преимущественно группу *est* с обязательной аферезой: 1, 1 ...*Roma (e)st //*; 7, 75 ...*ab usu (e)st //*. Регрессивный enjambement с началом в шестой стопе, как и буколическая пунктуация, противоречили утвердившейся ритмической норме латинского гексаметра. Последовательная афереза *est* в исходе стиха также свидетельствует о чувствительности поэтов к слабому словоразделу внутри ФС. Грамматическая норма языка смещала связку *est* к срединным и конечным позициям предложения, часто совпадавшим с предцезурной и конеч-

²⁹ *Ibid.*, 21.

ной позициями гексаметра и пентаметра. Однако ФС в окончаниях полустиший противоречило идеалам ритмической четкости, что и привело к последовательному эллипсу связки в дактилическом стихе высоких жанров. На ранних этапах развития эпической поэзии связка *est* устраняется лишь ритмически строгой клаузулой, исключая немногочисленные клише пентаметра вроде ...*mea (e)st //*, ...*vi(a) est // etc.*, впоследствии она ограничивается и предцезурными позициями.

В клаузуле классического гексаметра выходит из употребления и ФС *третьего типа (deum te)*, допускаемое элегическим стихом Каталла: Cat. 66, 63 ...*deum te //*, 91... *tuam te //*; 68, 19 ...*mihi mors //*; 35... *apud te //*. Совпадение шестого икта с безударным концом слова является большей погрешностью, чем его совпадение с односложными слабоударными словами. Уже Проперций избегает ФС этого типа, а в четвертой книге “Энеиды” оно встречается лишь однажды (314 ...*tuam te*). Ограничение вариантов заполнения клаузулы в пользу ритмически и стилистически предпочтительных – закономерный итог эволюции поэтического языка. Так, в 322 гексаметрах первой книги Намациана ФС в шестой стопе встречается 8 раз (Namat. *De reditu* I, 61, 75, 209, 245, 407, 415, 437, 506), при этом только первого типа.

Суммируя сказанное, следует признать относительную *автономность компонентов ФС в стихе*. Об этом же свидетельствует также практика элегического пентаметра, который различал, например, графический амфибрахий *labore* и ФС *in ore*. В предпоследней стопе элегического пентаметра, где слова-амфибрахии были особенно любимы (в гексаметре они провоцировали нежелательные женские цезуры), мы встретимся с абсолютным преобладанием графического амфибрахия над фонетическим. Даже в пентаметре Рутилия Намациана, в эпоху, когда латинское ударение менялось на динамическое, в первых ста пентаметрах лишь дважды встречается ФС – амфибрахий в P-5 (Namat. *De reditu* I, 40 *vel igne*; 196 *in astra*) при регулярных графических (2 *carere*, 8 *honore* 26 *dolore*, 48 *recepta*, 54 *reducat etc.*).

В то же время просодическое сближение компонентов ФС было более тесным, чем в МС из двух полноударных слов. МС несомненно избегалось (если не считать архаических реминисценций) в клаузуле классического гексаметра. Примечательно, что во втором колоне элегического пентаметра ударный моносиллаб ...*ver ageret //* (Cat. 68, 10) является уникальным примером,³⁰ в то время как предлог-проклитика ФС образца *in lacrimis //*, ...*e gremio //* допускается ранней элегией в этой позиции.

³⁰ Wilkinson. *Op. cit.*. 73

Ритмический канон высокого жанра, как мы видели, был чувствителен и к структуре ФС. Если в начале ритмически строгого второго колона пентаметра совпадение икта с односложным предлогом практически не встречается, то префиксальный глагол в этой позиции – явление вполне регулярное: Tib. I, 1, 74 .../ *inseruisse iuvat* //; 29 .../ *increpuisse boves* //; 78 .../ *despiciamque famem* // etc. Запретив со временем в исходе пентаметра и ФС с проклитикой (тип ...*e gremio* //), элегики вплоть до Намациана сохраняли некоторое число префиксальных эпиграмматических клише (тип ...*ingenio* //). Так ритмическое регулирование клаузулы стиха отразило неравноценность метрического, фонетического и графического слова, а для ФС и неравноценность его различных вариантов, подсказанную, по-видимому, не только поэтической модой, но и объективными просодическими характеристиками латинского слова.

В. П. Смышляева

Башкирский Государственный университет

The purpose of the present paper is to show the relation of Latin classical hexameter to the "metrical word" (the joining of two accented words by metrical ictus, e. g. *Aen. IV, 255 piscosos scopulos humilis volat aequora iuxta* //) and to the "phonetic word" (the joining of a word and a clitic or two-three clitics by word accent, e. g. *post fata, tu tamen, nec me* etc.). Metrical word is a phenomenon of a verse, phonetic word is a phenomenon of speech, but not indifferent for Latin dactylic line. Hexameter of Roman epos and elegy in the course of its rhythmical evolution naturally limited the use of the metrical word, since it contradicted the ictus-accent harmony and the caesura standard of the classical verse. Thus, monosyllabic endings of the hexameter (e. g. ...*ferat Fors* //, ...*exoritur sol* //) introduced by Ennius are avoided (outside archaic reminiscences). At the same time the classical hexameter, undoubtedly, differentiated further between the phonetic word and the graphic word. Phonetic words with one notional component (e. g. *lux mea*) are practically excluded in the fifth foot. Graphic amphibrachs (e. g. *amore*) regularly occur in the second colon of pentameter, but phonetic amphibrachs (*ab ore*) are extremely rare. All this testifies to the fact that poets took into consideration the weak pause within the phonetic word, if not rhythmically, then logically. The commonest type of phonetic word in Latin hexameter is prepositional groups and combination of two clitics, but their positions are also changed in the course of the development of the poetic canon. Whereas prepositional group is practically absent from the sixth foot of Catullus' elegiac hexameter, such verse endings regularly occur in Tibullus' and Propertius' poetry. Phonetic words consisting of two clitics gradually disappear from the last two feet of the hexameter where the coincidence of ictus and a nonaccented conjunction or pronoun was undesirable. As a result of this, the Latin hexameter avoids sense pauses after bucolic diaeresis so as not to disturb the rhythm.